

Галина Кропочева

Моя любимая Шери

Художник: Снежана Пушненина

Галина Кропочева

Моя любимая Шери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69003424

SelfPub; 2023

Аннотация

«Моя любимая Шери» – повесть о собаке, её спасении, приключениях с детьми и непростой эпохе, которую мы пережили. И о том, как любовь и забота о собаке помогла семье выжить, остаться человечными. Прочтите, и вам самим захочется обнять уже свою собаку, как самого преданного человека.

Содержание

Глава 1. Как уговорить папу	4
Глава 2. Спасение	8
Глава 3. Шери – не собака?!	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Галина Кропочева

Моя любимая Шери

Глава 1. Как уговорить папу

Или я, или собака! – сердился наш деревенский папа на просьбу детей купить им щенка. Он был убежден, что собакам не место в городской квартире, и какая бы красивая, добрая или злая псина ни была, пусть она показывает зубы в щелку деревенской калитки и дремлет ночью во дворе под звездным небом, охраняя покой изнуренного за день крестьянского семейства.

Ох, уж эти упрямые деревенские папы! А мне как смотреть в печальные глаза родным детям, томившимся в ожидании самого верного песика на свете? Любую картинку с собачьей мордочкой прижимали к себе младшие Маша и Миша. А старший, пятнадцатилетний Евгений, уже и вовсе потерял веру в то, что у него когда-нибудь появится четвероногий друг. И когда грезы о собаке переходили все границы, старший торжественно вручал младшим мои бигуди. И на их немой вопрос «зачем» с отчаянием объявлял:

– У нас никогда не будет собаки, никогда! Закатайте на бигуди свои губошлепые ротики!

– Будет! Будет! – слезно кричали дети и бросались муту-

зить своего высоченного братца, насмешника и «тетерю-не верю».

Такие бои всегда заканчивались дружной атакой на меня:
– Когда же? Когда?!

И наконец-то им был обещан барбос, толстенный, кудрявый и озорной, о котором я и сама, как ребенок, мечтала долго и безнадежно.

На радостях детвора устроила свою сногшибательную игру «прыгать – падать», крича во всю ивановскую. Отец, узнав о полном неподчинении, развел безнадежно руками и предупредил:

– Не разнесите на радостях квартиру, а то вашему псу здесь уже нечего будет делать!

Но этот мрачный прогноз отца утонул в ликующем балагане, ведь тогда для меня и детей была важна лишь переполнявшая всех любовь к будущей собаке.

Наш глава семейства был в состоянии паники, как перед катастрофой. И я уже начинала кипятиться:

– Ты хочешь, чтобы детям было лучше в подъездах и на улице?! Ты хозяин нашей жизни?! Соглашайся – все равно не послушаемся! Это золотое правило педагогики.

Но он был упрям, как деревенский бык, и я зря сотрясала воздух.

Дети оказались посмекалистее. Они тоже думали, как уговорить папу. И неожиданно окружили его прямо у порога, когда он вернулся с работы, уставший и раздраженный, как

все механики. Озорные ребята Маша и Мишка, накручивая по привычке свои кудрявые чубчики, хитренько поглядывали то на отца, то на старшего брата в ожидании чуда. И вот Евгений торжественно объявил отцу, бывшему пограничнику, о своем решении служить на границе вместе с собакой, которую они для этого должны вырастить.

Ничто не тронуло бы отца больше, чем это решение сына.

– Вот это дело! Молодец! – к всеобщей радости, похвалил он Женю, и слезы заблестели в его глазах.

Он вспомнил себя на боевом посту Дальневосточной границы в тревожное время событий на острове Даманский, когда столкнулись две державы за маленький остров и полегли пограничники, выполняя свой долг. Он потребовал принести семейный альбом и с гордостью смотрел на себя, молодого человека, снятого у развернутого Боевого знамени части.

– Узнаете? Вот такой был ваш папка – отличник боевой подготовки!

(Он гордился службой на границе больше, чем своими трудовыми орденами, о которых всегда скромно молчал.)

– Разрешаю взять собаку! Но только в клубе возьми породистую овчарку. С помойки – не годятся. Иди, Евгений, становись на очередь! Уговорили. Возьми и воспитай собаку!

И он стал вспоминать своих боевых четвероногих друзей, Востока и Эру, их общей нелегкой службе на границе и грустном расставании. Голос отца дрожал, и он уже не казался детям слишком строгим, а был просто близким, добрым

и любящим папой.

И вот теперь можно друженько отправляться за собакой!

Но мы не знали тогда, что долгожданное существо появится в нашем доме не скоро. Пока мы добросовестно стояли в очереди за собакой в клубе служебного собаководства, неожиданно пришло время ельцинских реформ, время пустых прилавков, огромных очередей и нищенских продуктовых карточек. Было не до собаки, когда повсюду тревожно говорили о надвигающемся голоде и безработице. Евгений уже отслужил на дальневосточной границе, а собаки у нас так и не было...

Глава 2. Спасение

Этот день мне уже не забыть никогда. На дворе была такая лютая зима, что даже у привыкшего к таким морозам, трещали нос и уши. А на душе у меня было тогда особенно мрачно и холодно и вовсе не из-за погоды: старший сын, Евгений, вернувшись из Армии, вот уже много месяцев безуспешно искал работу. Он совершенно растерялся перед такими жестокими обстоятельствами, разучился улыбаться, с аппетитом есть, совершенно исхудал, превратившись в длинный тощий вопросительный знак.

В то незабываемое утро отправился он на поиски заработка. А я, как никогда, не находила себе места, ожидая его возвращения, потому что, провожая, прочла в его потухших глаз жуткую усталость и безразличие ко всему.

Предчувствуя беду, тревожно вглядываясь в снежную белизну улицы, превратившейся в один громадный сугроб, думала я о неожиданно навалившейся нужде и неясном будущем своих детей.

Уже вечерело, а молодой человек, наш старший сын, продолжал бесцельно бродить по замороженным улицам родного города. Он поднял воротник старенькой военной шубейки, втянул голову, чтобы его не узнали, и грустные мысли одолели его:

«Господи! Никто никому не нужен! И не в редкой специ-

альности дело. Живут одни менялы да воры. Порядочность – не в цене. Все, все... видеть никого не хочу. И до меня никому дела нет, хоть замерзни в сугробе...»

Он сел, сжался в комок на лютом морозе среди ящиков, в ворохе мусора у знакомого с детства магазина, где любил покупать огромные бархатные арбузы и таявшие во рту дыни в счастливое для него советское время...

Беда была так близко, и жизнь потеряла бы смысл для меня, а брат с сестрой, да что гадать, что было бы с нами, если бы навсегда погасли звезды, а утром не взошло солнце...

Господь услышал мои молитвы и не дал случиться беде. В звенящей от мороза тишине Евгений услышал, как кто-то копошится на помойке, которая ледяной глыбой возвышалась у нашего двора. Приоткрыв воротник, он был потрясен: исхудавшая до костей породистая овчарка, совсем еще молодая, припадая на дрожащие лапы, скребла заледеневшие помои. А рядышком стоял ее хозяин, товарищ по несчастью, такой же голодный и стальной от мороза, в ветхой одежонке, не скрывавшей даже дрожь промерзшего тела. Он терпеливо ждал, чтобы его бедная собака хоть чего-нибудь проглотила, чтобы двигаться дальше. А как оторвать зубами, даже собачьими, то, что намертво схватилось на тридцатиградусном морозе? Но собаке надо было выжить, и она вгрызалась в лед... А мимо проходили люди, неся в своих сумочках что-то съедобное из ближайших магазинов, но никто уже не обращал внимание на ставшую привычной горькую картину ни-

щеты и не подал ни кусочка исхудавшей до смерти парочке.

Евгений быстро встал и подошел к голодным бродягам, но не успел произнести ни слова, как остолбеневший от мороза человек зашевелился и заговорил чуть слышно, открыв свой страдальческий лик, словно сошедший с иконы:

– Мы тебя видели, парень. Подошли бы... Это ты зачем? У тебя благородное лицо. Разве тебя не учили в добрые времена «жить даже тогда, когда жизнь становится невыносимой?»

– Нет-нет, вы не так поняли: мне просто было плохо, – попытался внести ясность молодой человек.

– А на таком морозе не заметишь, как превратишься в ледышку. Мы давно закаляемся, знаем, – он кивнул на собаку и попытался улыбнуться.

– За породистыми собаками раньше очереди в клубе были. Мы так и не дождались. Отдайте мне ее, – погибнет же! Я здесь живу, вот в этом желтом доме. Денег у нас нет, но поесть и «согреться» принесу, – без всяких церемоний выложил свою просьбу Женя.

Собака, услышав прямо над собой чужой голос, подняла голову, равнодушно посмотрела все понимающим взглядом и отвернулась, – она не ждала уже ничего хорошего от людей.

А хозяин ее взбодрился, растянул в улыбке заледеневший рот и тут же заплакал:

– Привязался я к ней. Но у тебя, чую, есть душа. Сговоримся, сговоримся, пусть хоть ей повезет. Умнейшее созда-

ние, благороднейшее... Породистая она, немецкая овчарка, и года ей нет! Красавица! А мне бы поесть чего да согреться не помешает. Губы его задрожали.

– Соберу поесть и «согреться» будет чем. Сейчас мигом вернусь, подождите, только собаку унесу.

– Не забудь, парень, согреться мне надо! – умолял голодный замерзающий человек.

Евгений не вел, а нес на руках истощенное покорное живое создание и чувствовал, как билось радостно сердце. И все вдруг стало понятно и просто: он прижимал к себе друга, которого еще не знал, но уже любил давным-давно – всегда, а сейчас был нужен этому несчастному существу. И когда он понял это, – что-то доброе и очень важное озабоченно вошло в его душу и трепетной радостью разлилось по всему телу. Ему вдруг стало тепло, даже жарко и необыкновенно весело преодолевать с собакой на руках огромные сугробы, преграждавшие путь к дому.

«Ты не угадал, мужик, – это не ей, а мне повезло, мне, – думал Женя. – И ничего, что мы совсем тощие, поправимся, обязательно поправимся...»

Евгений вернулся быстро, как и обещал, и протянул несчастному большой пакет с едой. Тот заглянул и прослезился, увидев то, в чем нуждался немедленно. Они расстались быстро, обменявшись просто благодарными взглядами, потому что каждый был переполнен своими заботами.

В доме все пришло в движение: мыли, вытирали несчаст-

ную, я собирала еду, легкую для начала. Младшие потихоньку ссорились, – каждый хотел назвать собаку по-своему. Все делали тихо, на цыпочках, обмениваясь, вместо слов, сочувственными взглядами, как будто боялись громким словом погасить в покорно притихшей собаке остатки жизни. А как важны были эти хлопоты для семьи! Все объединились вокруг давно желанного существа и такого еще слабого и безразличного к нам. А может быть, нам это только казалось? А собака уже откликнулась на добро и почувствовала в нас свое спасение. Дети с восхищением смотрели на старшего брата, на собаку и сияли от счастья. Давно уже семья наша не была на таком душевном подъеме.

Чудо! Просто чудо! К приближающемуся светлому празднику Рождества на Небесах услышали нас, поселив в нашей семье любовь и радость, когда мы больше всего нуждались в этом. Много у нас может теперь измениться. Я чувствовала это и готова была ради детей на любые испытания. Но вернемся к собаке.

Обессиленная от голода овчарка потянула носом, зарычала на всех и, увидев фантастическую еду из молока и печенья, припала к спасительной пище и вмиг вылебала все. Здесь же, у чашки, сытая и в тепле, она уснула, вздрагивая во сне и ворча, должно быть, на свою нелегкую собачью жизнь.

И только мы понимали, что муки ее закончились, и она обрела уже заботливых хозяев и свой надежный дом.

– Я и сам есть хочу, мам, сто лет не ел, – обрадовал меня

Женя.

И глядя на его счастливое, раскрасневшееся лицо, необыкновенный аппетит, я потихоньку заплакала:

– Не все так просто, сынок, у меня заныла душа, когда ты заскочил весь в инее, как будто был спрессован в холодном сугробе. Мне надо знать, что случилось...

– Да, все в порядке, все позади, ну, потом, когда-нибудь... А я завтра на рынок пойду, работают же там люди, и я попробую. А звать-то будем как нашу красавицу? – перевел он разговор.

И тут братец с сестрицей выложили целый список кличек дворняг.

– По экстерьеру вижу: породистая собака и красоты будет необыкновенной! И назвать мы должны ее необычно, чтобы сами гордились ей, а люди уважали. Будет Шери, – решил Евгений.

– Непонятно, но красиво, – согласились младшие.

Так вошла в нашу жизнь Шери, всеобщая любимица, спасенная и спасительница. И навалились необыкновенная ответственность и каждодневная забота, доставшиеся, конечно же, мне. Но я не роптала – знала, что так надо. Мыслями возвращалась в тот тревожный день, благодарила Бога за то, что послал Евгению в миг душевного отчаяния двух несчастных бродяг, и боготворила Любовь к удивительным созданиям природы, собакам, которая томилась в сыне с детства, чтобы в нужный час пробудиться и вернуть его к жизни.

Глава 3. Шери – не собака?!

– Смотрите – медведь! – удивлялись все прохожие, показывая пальцем на Шери.

– Нет! – это собака. Чистокровная немецкая овчарка! – с гордостью сообщали мы.

– Ха-ха! У нее косточки можно только под рентгеном отыскать. Что ж вы ее так закармлили?! – неодобрительно смеялись люди.

И действительно, Шери превратилась в черную кудрявую гору. «Кочегарка» работала бесперебойно, в нее загружали все самое вкусное, что появлялось в доме. Только и слышалось: «Кочегарка открывается, кочегарка закрывается». А когда собака не могла уже есть, эти озорники, Машутка и Мишутка, шептали ей на ухо: «Мишка съест, Шери, не давай!» И бедная собака, рыча, заглатывала все, хотя желудок был уже набит до упора.

Шери превратилась в танк и начала крушить все на своем пути: двигала диваны, столы, грызла кресла, тапочки, шапки и рукавицы, часы и утюги, настольные лампы и даже ценные книги, – все, что попадалось на зуб. Страшный прогноз отца сбылся: в доме не было «живого места».

И всем стало ясно: невоспитанная собака – стихийное бедствие, и нашей Шери нужна профессиональная дрессировка. Но мы были и так счастливы. Беспредельная любовь

сыграла с нами злую шутку: мы пребывали в сладком и разрушительном сне. Шери была полноправной хозяйкой в доме.

– На вашей Шери собачья природа отдыхает, – говорили нам гости, испытавшие приветствие нашей необыкновенной овчарки.

Вместо рычания на чужого, появившегося в доме, она с визгом неслась к двери, мощными лапами вдавливала гостя в стену и принималась смачно вылизывать ему лицо, с выпученными от страха глазами. И оттащить ее от этого удовольствия получалось не сразу. У гостя из рук отбирались все угощения. Даже чашка чая не оставалась без внимания. Собрав глаза в кучку, разбойница, пристально изучала содержимое, решая, выпить самой или пусть человек воду лакает сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.